

потомъ все болѣе затягивался узелъ крѣпостнаго права прекращеніемъ вольнаго выхода крестьянъ. Роковое время это двадцатилѣтіе, считая съ 1592 года (на который наводятъ указъ 1597 г. и прочіи частныя разрѣшенія, свидѣтельствующія о запрещеніи общемъ) по 1611-й годъ, когда сохраненіе крѣпостной зависимости вмѣняется уже въ непремѣнное условіе шведскому королевичу, призываемому на престолъ Русскій!

Позволимъ же себѣ сгруппировать приводимые здѣсь документы такимъ образомъ: съ одной стороны указъ 1607 года, съ другой—прочіе указы. Первый содержитъ въ себѣ перечень, исторію послѣднихъ, а эти служатъ ему какъ бы оправданіемъ. Будь одно безъ другаго, можно бы еще было изъяснять сомнѣніе, недоумѣвать, спорить. Справедливо дорожилъ Татищевъ указомъ 1607 г. И вотъ, противъ этого именно указа и противъ Татищева (за то, что онъ сообщилъ его, сохранилъ потомству), г. Погодинъ направилъ главные свои возраженія. Указъ, по мнѣнію его, подложный: 1) его нѣтъ въ извѣстныхъ намъ сборникахъ; 2) выраженія его отзываются поддѣлкой; 3) въ контекстѣ его—явные противорѣчія.

Но кому неизвѣстна жалкая судьба рукописей и не критическое съ ними обращеніе даже въ позднѣйшее время? Всего опаснѣе для нихъ—пора разсвѣта, когда начинаютъ ими интересоваться, но еще не знаютъ какъ приступить къ дѣлу, или же вовсе не берегутъ ихъ и теряютъ. При Императрицѣ Екатеринѣ II, въ слѣдствіе записки гр. Мусина-Пушкина, свезены были въ Петербургъ, изъ монастырей, разныя славянскія рукописи, которыя велѣно взнестъ въ Кабинетъ Ея Величества, гдѣ онѣ долго лежали, за недосугомъ. Преемникъ Ея приказалъ возвратитъ ихъ на прежнія мѣста. Приступлено тотчасъ къ исполненію: наняты извозчики, и хотя то было въ великій постъ, въ самую страшную грязь и распутицу, эти ненужныя казнѣ бумаги отправлены «въ коробахъ», и развезены по указу; но въ какомъ видѣ, въ полной ли наличности, и туда-ли куда слѣдовало.... о томъ знаетъ Богъ! Сколько письменныхъ сокровищъ погибло въ пожарѣ Москвы 1812 года! Сколько погибло ихъ прежде, въ междоусобицѣ, и при другихъ случаяхъ, посѣщавшихъ землю Русскую!—Татищевъ, сообщая указъ 1607 года, не объяснилъ критически достоинство того источника, откуда заимствовалъ его; но вѣдь точно такъ же поступлено и со многими дру-

гими свѣдѣніями и документами. Самъ г. Погодинъ догадывается, что у Татищева могли быть рукописи, которыя не дошли до насъ.

Что же касается неканоническихъ выраженій въ указѣ, то г. Костомаровъ достаточно ослабилъ этотъ доводъ скептиковъ, объяснивъ, что въ выраженіяхъ сихъ нѣтъ ничего страннаго (*), да и повода не имѣется предполагать, чтобы искусный «сочинитель» указа далъ поймать себя на словахъ и выраженіяхъ, къ которымъ, во всякомъ случаѣ, легко поддаваться: горшки не боги обжигаютъ.

Самый сильный доводъ—явные противорѣчія, которыхъ «при толковитости старинной администраціи, въ официальной бумагѣ», быть не могло. Какъ же, въ самомъ дѣлѣ? Сперва осуждается Борисъ за прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, а потомъ то же крѣпостное право утверждается тѣмъ же указомъ! Обвиненіе тяжкое, и прямо бьетъ въ глаза. Здѣсь, г. Костомаровъ, хотя и защищался, но защищался слабо, и спасая указъ, спасъ его, можно сказать, собственною его нелѣпостію, допустивъ, что толковитости и въ старину у приказныхъ не было. «Въ указѣ двѣ части, докладъ и постановленіе; докладъ изготовленъ былъ въ такомъ то смыслѣ, постановленіе выпало въ другомъ: о согласованіи частей—не позаботились». Правду сказать, отъ такой защиты не поздоровится, хотя бы и указу Шуйскаго.

(*) Возраженія г. Бѣльева, въ статьѣ его очень дѣльной, погрѣшающей лишь произволомъ выводовъ (Русская Бесѣда 1859, III, 72), опровергнуть не трудно. Онъ полагаетъ, что указъ (1607) «сочиненъ кѣмъ то въ началѣ XVIII вѣка и прямо по указамъ Петра I, потому что: 1) указъ смѣшиваетъ крестьянъ съ холопами». Огвѣствуемъ: сопоставляетъ ихъ не въ отношеніи правъ, а въ томъ, что они имѣютъ между собою общаго; бѣгство крестьянина, приписаннаго къ землѣ, и холопа, записаннаго въ крѣпость, ведетъ къ сыску и возвращенію того и другаго, и только». 2) Указъ повелѣваетъ сыщикамъ навѣдываться чрезъ сотскихъ и священниковъ, нѣтъ ли пришлыхъ вновь людей», а отвѣтственность «сотскихъ» въ такихъ случаяхъ, по замѣчанію г. Бѣльева, категорически выражена въ узаконеніяхъ Петра. Пусть такъ; но одно другому не мѣшаетъ. Позже, наблюденіе за бѣглыми прямо поручено, подъ страхомъ наказанія, сотскимъ; при Шуйскомъ, сыщики должны были обращаться не только къ нимъ, но и къ мѣстнымъ священникамъ, какъ къ людямъ знающимъ, для справокъ, не болѣе». 3) Въ указѣ, духовныя имѣнія поставлены рядомъ съ казенными, а они въ XVI вѣкѣ считались наравнѣ съ частными». Но въ указѣ 1601 года, духовныя, казенныя и частныя имѣнія упоминаются вмѣстѣ и рядомъ. Слѣдовательно, все это—не доказательства.

Мы, съ своей стороны, полагаемъ, что никакого противорѣчія въ этомъ указѣ 1607 года нѣтъ, и представимъ свои доводы.

Уясните себѣ напередъ слѣдующія историческія положенія: а) Годуновъ и Шуйскій дѣйствуютъ въ духѣ одинъ другому противоположномъ; б) Годуновъ, человекъ случайный, продолжая политику Іоанна, къ которой успѣлъ приглядѣться, благоволитъ людямъ средней статьи; Шуйскій, знатный бояринъ, мирволитъ знати богатой; в) въ государственномъ правѣ эпохи господствуютъ то общее правило, то исключенія (привилегіи), которыя окончательно замѣняются опять общимъ правиломъ (неволей); г) перемѣны совершаются въ пользу владѣльческаго класса; народъ, во всякомъ случаѣ, служитъ жертвою или жертвенникомъ.

Указъ начинается общимъ мѣстомъ. Бояре докладываютъ: «переходомъ крестьянъ причинились немощнымъ отъ сильныхъ великія насилія, чего при Іоаннѣ не было, потому что крестьяне выходъ имѣли вольный». Казалось бы противорѣчіе: переходъ то родитъ, то устраняетъ насилія. Но здѣсь, очевидно, «переходомъ», выраженіе эллиптическое, означаетъ переходъ *ограниченный*, именно такой, какой имѣли передъ собою бояре-докладчики. Они съ удовольствіемъ вспоминаютъ о завѣтномъ общемъ правилѣ, о вольномъ переходѣ Іоаннова времени, когда сами могли, по волѣ и усмотрѣнію, населять пространныя свои вотчины, въ ущербъ мелкимъ владѣльцамъ; это имъ нравилось. И вотъ, наговорщикъ Борисъ заказалъ выходъ крестьянамъ: замѣтите, *не слушая* «старѣйшихъ» бояръ, вопреки имъ и ихъ выгодамъ. Люди помельче выиграли тѣмъ, что, не боясь перевѣса богатыхъ, спокойно остались каждый при своемъ. Народъ какъ бы окаменѣлъ на мѣстѣ; въ народѣ волненіе, Борисъ, уже царь, видитъ народное горе, но ему это полу-горе. Чтобъ еще болѣе угодить владѣльцамъ, имъ особенно покровительствуемымъ, и привлечь ихъ къ себѣ, онъ даетъ выходъ крестьянамъ, *да не совсемъ*, т. е. не всѣмъ; интересъ крестьянъ вещь не существенная. Указомъ 1601 года предоставляется нѣкоторымъ владѣльцамъ особое преимущество «возить крестьянъ промежъ себя.» Боярамъ завидно до крайности. Они, словно ветукаясь за «немощныхъ», черно, но должно быть вѣрно описываютъ пагубу этой новизны, неурядицу, распри, разбоя. Судьи въ недоумѣніи: а) кому дозволено, кому запрещено; разграниченія шатки, особен-

но въ примѣненіи, на дѣлѣ; б) какъ наблюсти, чтобъ за одного выходящаго крестьянина или за двухъ, брали одного или двухъ, а не трехъ или четырехъ? Система исключеній—система сложная, ненавистная боярамъ и народу! Мелкопомѣстные всѣмъ какъ спица въ глазу.—Наконецъ, Годунова не стало. Солнце красное, царь Василій Іоанновичъ утверждаетъ правило, отмѣняя привилегію: Славянскому племени она всегда несносна! Что жъ вышло? Вернуться къ тому, что было при Іоаннѣ, о томъ никто не думаетъ; вѣдь царь изъ вельможъ, народъ безгласенъ; бояре уже свыклись съ первою мѣрою Бориса, попримѣнились къ ея послѣдствіямъ, и требуютъ ея обобщенія. Такъ узаконяется одно безразличное, безусловное, общее крѣпостное право. Народу остается одинъ родъ протеста—бѣгство: указы о бѣглыхъ множатся безъ числа.

При толкованіи тѣхъ «учредительныхъ» указовъ XVII столѣтія, главное помнить, что всѣ они (по выраженію г. Погодина) «помѣщичьи», то есть имѣютъ въ виду владѣльцевъ той или другой статьи, а не народъ. Этою путеводною мыслию объясняется, *дополнительно*, то, что г. Костомаровъ изложилъ, толкуя затруднявшія г. Погодина слова указа 1601 года: «возити одному человѣку изъ за одного человѣка одного крестьянина или двухъ, а трехъ и четырехъ одному изъ за одного никому не возити.» Попеченіе правительства, ревнивая заботливость Бориса о мелкопомѣстныхъ доходитъ здѣсь до крайней тонкости: цѣль—оградить мелкопомѣстныхъ отъ собственнаго ихъ совмѣстничества, установить между ними родъ искусственнаго, ненарушимаго равенства, чтобъ и послѣднему изъ нихъ было хорошо. И для того,—возить поровну, сохраняя *status quo* въ вотчинахъ, отнюдь не успливая населеніе однихъ на счетъ другихъ. Народу это ограниченіе вредно: при совмѣстничествѣ владѣльцевъ, народъ могъ бы получить выгоднѣйшія для себя условія, собраться тамъ, гдѣ лучше. Но указу нѣтъ дѣла до того.

Одинаковыя причины производятъ одинаковыя послѣдствія. Кстати будетъ напомнить здѣсь аналогическое явленіе.

Курляндское Рыцарство, ограждая себя, всѣхъ членовъ сословія, отъ невыгодныхъ случайностей, при увольненіи крестьянъ своихъ, постановило такое же ограниченіе. Положеніе 1817 года гласитъ: § 58. «Въ продолженіе четырнадцати лѣтъ временнаго состоянія ни одинъ помѣщикъ не имѣетъ права селить на своихъ земляхъ

способныхъ къ работѣ Курляндскихъ крестьянъ свыше того числа ихъ, которое значится, при имѣніи его, въ ревизской сказкѣ 1816 года»; § 59 (Кто поселитъ ихъ болѣе, платитъ штрафа 5 руб. ас. съ души)... «или долженъ доказать, что учинилъ сіе съ согласія помѣщика, коему тѣ крестьяне принадлежали, и что никому не произошло отъ того ущерба.» Интересъ одной стороны, опасеніе, чтобъ никто изъ владѣльцевъ *каковъ бы онъ ни былъ*, не остался безъ рабочей силы: вотъ основаніе этой мѣры Курляндскаго Рыцарства.

И образцы ея встрѣчаются, неоднократно, въ Литовскихъ узаконеніяхъ XVI вѣка, съ тою же цѣлю изданныхъ, при подобныхъ же обстоятельствахъ.

Смѣемъ думать, что эти указанія и сближенія послужатъ къ утвержденію подлинности царскихъ указовъ и справедливости общепринятаго доселѣ мнѣнія, свидѣтельствуя о сознательномъ направленіи тѣхъ указовъ къ односторонней, но опредѣленной цѣли.

Положительныя заключенія г. Погодина состоятъ въ слѣдующемъ. «Кто же былъ основателемъ крѣпостнаго права? Никто.—Кого винить въ его развитіи? Обстоятельства.—Въ Англіи, по свидѣтельству Маколея, нравственныя причины изгладили, безъ шума, различіе между господиномъ и рабомъ. Точно такъ же, въ Россіи, это различіе установилось само собою, безъ шума... Нѣтъ возможности поймать моменты водворенія у насъ рабства. Оно закралось къ намъ изъ-подтишка... Виноваты ни Борисъ, ни Іоаннъ, ни Петръ, а болѣе всего народный характеръ...»

Такой вольный, высшій взглядъ на факты можетъ имѣть свою цѣну и пользу, устранивъ суевѣрное поклоненіе частностямъ, объясненіе важнѣйшихъ событій дѣйствіемъ мелкихъ, побочныхъ причинъ. Но, съ другой стороны, чрезмѣрное обобщеніе лишаетъ Исторію всякой опредѣленности: ее замѣняетъ произволъ личныхъ воззрѣній. За смѣлымъ отрицаніемъ фактовъ слѣдуетъ построеніе вѣроятностей. Подъ перомъ доктринеровъ все объясняется, *оправдывается* «обстоятельствами.» Образцы такого направленія исторической науки встрѣчаются нынѣ очень часто, между прочимъ въ приводимыхъ г. Погодинымъ отзывахъ нѣкоторыхъ новѣйшихъ писателей.